

Демид Величко

Сквозь три века: от
парика до биткоина

Демид Величко

Сквозь три века: от парики до биткоина

<https://litres.ru/74122178>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три века. Пятнадцать рассказов. Один неизменный абсурд.

От помещиков, продающих туман, до программистов, создающих цифровое бессмертие. От дьяков с делами о петухах до чиновников с пятьюдесятью справками. Меняются эпохи, парики и гаджеты — люди остаются теми же.

Сборник сатирических рассказов в традициях Гоголя, Салтыкова-Щедрина и Зощенко. Без нравоучений. Только смех и кривое зеркало, в котором каждый узнает себя.

Читайте. Улыбайтесь. Жизнь слишком серьезна, чтобы относиться к ней всерьёз.

Содержание

От автора	4
Рассказ 1: «РЕВИЗОР НАОБОРОТ»	6
Рассказ 2: «ПРОДАЖА ТУМАНА»	14
Рассказ 3: «СУДЬБА ПО МАЛОЙ КРУПНОСТИ»	19
Рассказ 4: «ПРИВИВКА ОТ УМА»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Демид Величко

Сквозь три века: от парика до биткоина

От автора

Дорогой читатель!

Ты открыл эту книгу. На экране телефона, планшета или компьютера — неважно. Важно, что ты здесь. Спасибо, что решил потратить время на мои тексты. Это дорогого стоит.

Я писал эту книгу, чтобы ты улыбнулся. А если повезёт — чтобы засмеялся в голос, разбудив кота или напугав соседей. Сатира без смеха — как чай без сахара: горько, полезно, но пить не хочется.

Вглядишься в эту книгу. Три века — от париков до биткоинов. Вроде бы всё меняется: лошади — на паровозы, паровозы — на компьютеры, бумага — на облачные хранилища. Но приглядишься — суть остаётся той же. Те же страхи, те же надежды, тот же абсурд.

Помещик, продающий туман, и блогер, продающий курсы успеха, — братья по разуму. Дьяк с делом о петухе и чиновник с пятьюдесятью справками — коллеги. Декабрист в колодце и программист с цифровым бессмертием — просто

боятся одного: быть забытыми.

Я не историк и не моралист. Я — наблюдатель. В каждом рассказе — доля правды, доля вымысла и много любви к героям. Даже к бюрократам. Без них было бы скучно.

Эта книга — кривое зеркало. Если узнаешь в ком-то себя — не пугайся. Ты — часть великой комедии под названием «человеческая жизнь».

Спасибо всем, кто вдохновил меня: соседям, коллегам, родственникам и чиновникам всех эпох. Без вас книга была бы вдвое тоньше, а жизнь — вдвое скучнее.

Смейся. Смейся над бюрократией, технологиями, собой и историей. Смех — единственное оружие, которое не тупится. И оно помогает не сойти с ума от абсурда.

Жизнь слишком коротка, чтобы относиться к ней серьёзно. Особенно в России.

С тёплой иронией,

Величко Д.Г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: XVII–XVIII вв.

Эпоха париков, пудры, крепостного права и первой бюрократии, которая уже тогда умела писать крючкотворные указы.

Рассказ 1: «РЕВИЗОР НАОБОРОТ»

В вотчине боярина Феофана Непейводы стояла благодать. Мужики чесали затылки, бабы чесали языки, а сам боярин чесал пузо, лёжа на шкуре медведя, которого, по слухам, он задушил голыми руками (на самом деле медведь был дохлый, его принесли из лесу, но легенда есть легенда). Жизнь текла сытно и лениво, как кисель по столу, и никто не ждал беды, потому что беда, как известно, любит приходить именно тогда, когда её не ждут, а ждут обычно только оброка и порки.

Вдруг, как гром среди ясного неба, — весть. Из столицы едет ревизор. Да не простой, а из самого Сената, с особым поручением: проверить, как мужики живут, сколько зерна родится и не слишком ли много бояре себе позволяют. Сказано — «позволяют»! Феофан аж подпрыгнул на медвежьей шкуре, хватая себя за бороду, которая была длиннее его ума. — Я-то всегда позволял себе только самое необходимое: икру чёрную, соболей, да чтоб девки в хороводах песни пели про мою доброту. А этот ревизор он же, поди, бумажник! Бумажниками тогда называли чиновников, которые всё норовят записать на бумажку и придраться к каждой запятой, ибо запятая для них хуже ножа.

Феофан созвал совет. В совете были: дворецкий Тихон, который умел читать только по слогам, но делал вид, что образован; писарь Митрофан, который писал так коряво, что сам не мог разобрать свои же доносы; и ключница Агафья, которая знала всё про всех, потому что подслушивала у дверей. — Значит так, — сказал боярин, мечась по горнице и роняя подсвечники. — Ревизора надо встретить как царя небесного. Чтобы он ничего плохого не увидел. Всех мужиков одеть в новые лапти! Коров выкрасить в весёлый цвет! Амбары наполнить чужим зерном! И самое главное — ни слова про оброк, который я беру за право дышать моим воздухом.

Пока боярин метался, в людской уже вовсю кипело своё обсуждение. Ключница Агафья, приложив ухо к щели в половице, драматично шептала собравшимся дворовым: — Ох, не к добру это, бабоньки. Я в прошлом году такого ревизора видала — он у нашего соседа все погреба пересчитал. И где наш Феофан возьмёт столько зерна, чтоб обмануть столичную штучку? Чай, не дурак, бумажки нюхать умеет. Молодой конюх Гришка, который в свои семнадцать лет уже имел зуб на боярина за несправедно отобранную невесту, хмыкнул из угла: — А пускай приезжает. Может, он нам, мужикам, волю пропишет. У нас тут боярин бархатный, а жизнь — солдатская. Ить оброк плати даже за то, что солнце над твоей избой всходит. — Типун тебе на язык, — перекрестилась Агафья. — Одного сменишь — другого получишь. Бумажный-то ху-

же зверя. Зверь сожрёт и отстанет, а этот напишет — и век помнить будет.

И вот, на тройке с бубенцами, прикатил ревизор. Но был он не толстым и важным, как ожидалось, а тощим, бледным и с глазами, которые бегали быстрее, чем мыши от кота. Звали его Иван Козявкин. Однако за этой внешней робостью скрывался человек, движимый отнюдь не государственной важностью. Козявкин до смерти боялся своего начальника, грозного сенатора Угрюм-Бурчеева. Месяц назад начальник, тряся перед носом Козявкина сложенным листом, прошипел: *«Если ты, щенок, не найдёшь мне в этой губернии растраты на тысячу рублей, я тебя самого спишу в растрату и сошлю на Соловки. Там будешь чаек считать. Понял?»* И теперь Козявкин трясся не столько от совести, сколько от животного страха перед собственной шкурой. Ему нужно было найти нарушения. Любые. Иначе он пропал.

— Здравствуйте, — пискнул ревизор, нервно оглядывая хоромы. — Я Иван Козявкин, младший подъячий из Сената. Прибыл для ревизии. Боярин Феофан поклонился до земли, но про себя подумал: «Младший? Значит, взятку можно дать поменьше. Или не давать вовсе, а просто накормить щами». Однако Козявкин, подгоняемый образами соловецких чаек, полез в амбары с такой яростью, будто искал не зерно, а личного врага. И в первом же амбаре, где было зерно, взятое взаймы у соседа, он закричал тонким голосом: — А откуда это зерно?! По запаху — оно с соседней вотчины. У вас

что, урожай сам гуляет?! Здесь явная недостача собственно-го провианта!

Феофан вспотел. Вспотел так, что с его парика натекло целое ведро, и потекло оно не водой, а каким-то жирным потом, выдающим дворянское происхождение. — Это это мы решили провести эксперимент! — выпалил он. — Скрещиваем рожь с овсом! Чтобы росло сразу и то, и то! Козьявкин удивлённо поднял бровь и записал в свою книжечку с такой скоростью, будто за ним гнались черти: *«Боярин Непейвода занимается агрономическими опытами. Возможно, безумен. Но зерно числится приписным — это нарушение! Запишем пункт первый».*

Пошли проверять скотину. Боярин на всякий случай приказал коров нарядить в сарафаны, чтобы выглядели веселее и упитаннее. Козьявкин увидел корову в красном сарафане с вышивкой и долго молчал. Потом сказал: — Это традиция такая? — Да! — радостно закивал Феофан, чувствуя, что может переломить игру в свою пользу. — Древний обычай! Корова без сарафана — не корова, а так, обуза. Мы уважаем животных. Это повышает удои! Козьявкин что-то записал: *«Местное население считает коров людьми. Возможно, из-за долгого проживания в лесах. Но сарафаны казённые? Надо проверить расходы на ткань — это статья!»*

Тут, любезный читатель, позволь мне отвлечься от скачки событий и заметить следующее. Есть что-то трогательное и одновременно жуткое в этом танце двух хищников. Боярин

пытается надуть государство, а чиновник пытается надуть боярина, чтобы спасти собственную задницу. И оба, как слепые котята, тычутся носами в одну и ту же пропасть абсурда. Ибо честность в таком деле — роскошь, которую могут позволить себе только святые или дураки. Но вернёмся к нашим грешникам.

Самое страшное началось, когда Козьявкин попросил показать ему бухгалтерские книги. У Феофана их не было. Была одна береста, на которой писарь Митрофан калякал углём: «Записано: куры — 10. Съели — 8. Осталось — 3. Потому что одна залетела к соседу, а две приснились». Козьявкин прочитал, и его глаз дёрнулся. Он понял, что если принесёт в Сенат эту бересту, то начальник Угрюм-Бурчеев не просто сошлёт его — он его съест. — Это что? — спросил он, ткнув пальцем в цифры и чувствуя, как холодеют пятки. — Это сложная система налогообложения! — пояснил Феофан, размахивая руками. — Мы считаем кур по «виртуально-реальному методу». Есть куры явные, а есть куры потенциальные. Вот вы, к примеру, потенциально могли бы съесть 100 кур, но съели только 2. Так мы и пишем: «Потенциальных кур — 100, явных — 2, итого к уплате — 98».

Козьявкин схватился за голову. В его голове пронеслась страшная мысль: *«Если я это запишу, меня засмеют. Если я не запишу, меня сошлют. Если я возьму взятку и скрою, меня повесят»*. — В Сенате меня за это с ума сойдут! — застонал он уже почти искренне. — У меня же приказ: «Всё про-

верить до последней копейки!»! А тут куры-призраки! Тогда боярин понял, что отпираться бесполезно, и решил действовать по-другому. Он махнул рукой ключнице Агафье, и та подала ревизору пирожок. Но не простой, а с «сюрпризом» — внутри лежал золотой.

Козьявкин укусил, чуть зуб не сломал, вытащил золотой, посмотрел на него, потом на боярина. И тут в нём боролись два чувства: страх перед начальником и жадность. Жадность победила, но страх придал голосу трагическую громкость. — Это подкуп?! — заорал он так, чтобы никто не усомнился в его честности, и чтобы у свидетелей сложилось впечатление, будто он сейчас упадёт в обморок от морального потрясения. — Что вы! Это витамин! — заорал в ответ Феофан, подмигивая. — Для укрепления костей! Я, батюшка, забочусь о вашем здоровье! Нешто я б посмел? Козьявкин золото спрятал, но в книжечку всё равно записал: *«Попытка витаминизации должностного лица. Принимать витамины следует осторожно, ибо они твёрдые».*

Козьявкин закрыл книжечку. Он понял, что за неделю пребывания в этой вотчине он сам начал верить в коров в са-рафанах и в «потенциальные налоги». А главное, он понял, что если напишет правду, его начальник потребует раскрыть всех «призрачных» кур, а это невозможно. Значит, нужно написать так, чтобы начальник остался доволен, но ничего не тронул. — Знаете, — сказал он на прощанье, садясь в сани, — я напишу в отчёте, что у вас образцово-показатель-

ное хозяйство. Что вы внедряете передовые методы «нестандартного учёта». И что ваши коровы — это гордость нации. А то, что зерно соседское, — так вы, стало быть, заимствуете опыт. Я так и укажу: «Перенимает передовые семена у конкурентов».

Феофан расцвёл, заулыбался так широко, что в рот могла бы залететь целая стая воробьёв. Он подарил Козьявкину двух кур (явных) и одного зайца (потенциального, то есть просто обещал, что заяц будет, но его ещё надо поймать). Когда сани скрылись за поворотом, боярин вытер пот и сказал ключнице: — А ведь я переживал! Оказывается, эти бумажники — они ещё глупее нас. Съел мой пирожок с золотом — и доволен. Агафья, качая головой, ответила ему с той мудростью, которая даётся только тем, кто подслушивает у дверей: — Не глупее, барин. Хитрее. Он взял ваше золото, но оставил себе бумагу. А бумага, барин, — она долговечнее. И теперь вы у него в кулаке.

Однако через месяц пришёл указ из Сената. Козьявкин добрался до столицы и сочинил такой блистательный отчёт, что начальник Угрюм-Бурчеев просиял (впервые за десять лет). В отчёте значилось, что раскрыта хитрая система «потенциальных налогов», которая позволяет увеличить сборы без увеличения скота. Сенат пришёл в восторг от такой бюрократической гениальности. И Феофана Непейводу приговорили к почётной должности. Он стал главным «Счётчиком потенциальной живности» по всей губернии. И теперь

Феофан сам ездит по другим вотчинам и учит помещиков, как записывать 10 кур как 8, а 3 как 2, и требовать налог за «несуществующих» гусей. Теперь уже сам Козьявкин, ставший важным человеком, приезжает к нему «с проверкой» раз в полгода, и они вместе пьют чай, вспоминая ту корову в сарафане.

А мужики в вотчине по-прежнему чесали затылки, потому что налог записывали не на кур, а на «потенциальных» гусей, которые, по бумагам, заполнили всю губернию, хотя в реальности их никто не видел. Гришка, тот самый конюх, встретив однажды боярина у конюшни, только сплюнул и сказал: «Вот так и живём. Нас обдирают за то, чего нет. Но, видать, так оно и надо, потому что если б обдирали за то, что есть, мы б давно с голоду подошли».

Мораль сей истории проста до безобразия: в России если ты не можешь победить бюрократию — возглавь её. И тогда никакой ревизор тебе не страшен, потому что вы оба играете по правилам, написанным призрачными курами на бересте. Главное, чтобы начальник в Сенате был далеко и верил в вашу потенциальную честность. А если начальник рядом — пиши пропало, ибо рядом начальник всё равно что волк в овчарне: только отвернись, и уже требует ревизию твоей ревизии.

Рассказ 2: «ПРОДАЖА ТУМАНА»

Глава 1, где иностранец открывает рот не там, где надо

В Москву, в самый разгар лета, когда воздух стоял такой густой, что его можно было резать ножом и продавать кусками, приехал французский купец Жан-Батист Пупкинс. Фамилию он сменил для лёгкости общения, ибо настоящая была «де ла Крошкевиль» — слишком длинная для русских ушей.

Пупкинс приехал торговать «заморскими диковинами»: зеркалами, часами и невиданным прибором — «громоотводом». Но, прогуливаясь по рынку, он увидел толпу мужиков, которые столпились вокруг бочки.

— Что там? — спросил он у прохожего в картузе.

— Туманом торгуют! — ответил прохожий. — Нынче туман уродился знатный. С позолотой.

Пупкинс чуть в обморок не упал. Как можно продавать туман? Он же бесплатный! Он везде!

Но русский купец, Антип Сметанин, который стоял за бочкой, уже вовсю зазывал:

— Ловите туман! Свежий! Утренний! С божественной росой! Кто купит — у того в доме всегда загадочная атмосфера! Жена не будет видеть, сколько вы пропили! Дети не увидят, что вы пришли пьяным! А для барышень — особый ту-

ман «романтический», с запахом фиалок!

Пупкинс протиснулся вперёд и спросил на ломаном русском:

— Но послушайте, сударь! Туман — это же просто водяной пар! Его нельзя взять в руки!

Антип посмотрел на француза свысока (а свысока он смотрел, потому что стоял на бочке).

— Экий вы, батюшка, необразованный! — сказал он с жалостью. — У нас в России всё можно взять в руки. Главное — знать, как завернуть. Вот смотрите!

Он взял большой мешок, подбросил его в воздух, резко завязал и сказал:

— Вот! В мешке туман! Покупайте!

Пупкинс, как просвещённый европеец, решил устроить скандал. Он прибежал к воеводе и заявил:

— Господин воевода! Это мошенничество! Этот купец продаёт воздух, который и так висит вокруг!

Воевода, который как раз завтракал кашей и был в хорошем настроении, спросил:

— А ты докажи, что воздух вокруг висит. Может, он не висит, а стоит. Или даже лежит. Где твои научные изыскания?

Пупкинс вытащил из кармана барометр и показал.

— Вот! Это прибор! Он показывает давление атмосферы!

Воевода посмотрел на барометр, на стрелку, и сказал:

— О! Так это же часы! Видишь, стрелка кругом ходит.

Хочешь купить туман? У меня ещё есть туман «обеденный» — он гуще, с запахом щей.

Пупкинс понял, что наука здесь бессильна. Тогда он пошёл иным путём. Он решил сам продавать туман. Но не простой, а «импортный». Набрал мешков, наловил в своём дворе утреннего тумана и вышел на рынок рядом с Антипом.

— Дам! — кричал он. — Дам туман «Парижский»! Самый модный! Пахнет круассанами!

Мужики обнюхали его мешки и разочарованно плюнули.

— Химией смердит! — заявили они. — А наш Антип туман собирает по старинке: в полнолуние, с берёзовых веток, заговорами.

Антип добавил:

— И вообще, «парижский» у нас каждый дурак наловить может. А вот русский туман — он особенный. Он от земли идёт, от души. В нём частицы родины!

Конкуренция на рынке туманов стала настолько острой, что Антип Сметанин предложил Пупкинсу объединиться. Так родился «Туманный синдикат».

Они разделили рынок: Антип продавал «утренний» и «вечерний», а Пупкинс — «полуночный» и «рассветный» (для особых гурманов).

Они даже придумали акцию: «Купи два мешка тумана — третий в подарок!» (третий мешок был просто наполнен опарами из бани, но никто не жаловался).

В дело включилась местная знать. Боярыня Варвара Тол-

стоятая купила целый воз тумана, чтобы обложить им свой сад, потому что прочитала в каком-то европейском журнале, что «туман полезен для роз». Она не знала, что полезен был только туман над Английским каналом, а над Москвой-рекой туман был с примесями сажи и дегтя. Но розы её действительно перестали расти. Она была счастлива: «Значит, туман действует! Цветы впали в спячку!»

Пришла осень. Туман стал появляться сам собой, причём бесплатно, и никто не хотел покупать мешки. Спрос упал.

Антип и Пупкинс сидели в кабаке и горевали.

— Как же так, Антип? — плакал Пупкинс. — Мы создали индустрию! Мы продавали воздух! Это был гениальный бизнес-план!

— Ничего, Жан, — утешал его Антип, — Зимой будем продавать мороз. Займём нишу. Я уже наловил три бочки январского мороза. Буду говорить, что он «звонкий» и «хрустальный».

Пупкинс оживился.

— А я сделаю «французский мороз»! Буду продавать его в синих мешочках!

Так они переквалифицировались в торговцев холодом. И надо сказать, у них это неплохо получалось, пока не пришла весна и весь их товар не растаял.

Мораль: Не важно, что ты продаёшь. Важно — как ты это упакуешь и что скажешь. Ибо дурак не тот, кто покупает туман, а тот, кто пытается доказать, что его не существует, ко-

гда все вокруг его уже купили.

Рассказ 3: «СУДЬБА ПО МАЛОЙ КРУПНОСТИ»

В Приказе по Крючкотворству, что стоял на болоте, работал дьяк Тарас Пустозвонов. Он был не просто дьяком, а «Архитектором Бумажных Лабиринтов». Его страстью было усложнять простые вещи до полной их неузнаваемости.

Однажды к нему пришёл крестьянин Ермолай с жалобой.

— Батюшка дьяк, — сказал Ермолай, — Сосед мой, Гаврила, украл у меня петуха. Рыжего, с болячкой на гребне.

Тарас Пустозвонов закатил глаза.

— Нельзя просто так говорить «украл». Это не юридический термин. Надо подать «Вексельное требование о временном перемещении домашней птицы без согласия собственника».

Ермолай почесал затылок.

— Но он же просто сгрёб его в мешок и ушёл!

— Тогда это «Акт незаконного экстерриториального захвата пернатого ресурса с целью извлечения репродуктивного продукта (яйца)». — дьяк уже записывал что-то в толстую книгу.

Ермолай заплакал.

— Дайте мне моего петуха обратно! Или мне теперь самого Гаврилу красть?

— Боже упаси! — испугался дьяк. — Тогда будет дело о «Корпоративном перемещении человеческой единицы». Это двадцать три тома бумаги. Идите, Ермолай, и принесите мне справку о том, что ваш петух действительно был вашим.

— У меня есть свидетель — бабка Акулина!

— Свидетель не подходит. У бабки Акулины нет лицензии на опознание петухов. Приведите мне двух соседей, которые поклянутся на Библии, что видели, как этот петух родился именно в вашем курятнике.

Ермолай бегал по деревне три дня. Соседи боялись связываться с дьяком и отказывались клясться. Тогда Пустозвонов вынес вердикт:

— Дело не может быть рассмотрено, поскольку «субъект спора» (петух) не идентифицирован. В деле фигурирует «петух вообще», а не «петух конкретный». Назначим экспертизу.

Экспертом вызвали местного попа, отца Филиппа. Поп осмотрел место происшествия и сказал:

— Точно был рыжий. Я слышал его голос.

— Это не доказательство, — отрезал Пустозвонов. — Голос мог принадлежать другому петуху. Или даже попугаю. Нужен осязаемый факт. Принесите перья.

Ермолай принёс перья. Три рыжих и одно чёрное. Дьяк обрадовался:

— Вот! Чёрное перо вносит диссонанс! Значит, петух мог быть чёрным. Или рябым. Дело запутывается. Мы должны

провести «Дознание о цветовой гамме птицы».

Через месяц Ермолай совсем забыл, зачем он пришёл. Он уже просто хотел убить дьяка, но побоялся, что для убийства потребуется заполнить форму «Разрешение на аннигиляцию бюрократа», которую выдаёт тот же дьяк.

Гаврила, кстати, петуха давно съел, но в суде это уже не имело значения. Теперь судили не петуха, а принцип.

В конце концов Пустозвонов пришёл к гениальному решению. Он вынес постановление:

«Ввиду отсутствия однозначных доказательств о принадлежности петуха, а также наличия чёрного пера, считать, что петух принадлежал обоим крестьянам в равных долях. Но поскольку петух съеден (то есть перешёл в состояние вещественного остатка), каждому из истцов причитается по полпетуха в денежном эквиваленте».

Он оценил петуха в 5 копеек. Ермолаю и Гавриле присудили выплатить по 2.5 копейки из собственного кармана, так как казна не финансирует «петушиные войны». То есть оба остались должны государству по 2.5 копейки за то, что подали иск.

Ермолай вышел из Приказа, сел на пенёк и заплакал. Гаврила подошёл к нему и сказал:

— Слышь, Ермолай. Давай я тебе нового петуха куплю, только не судись больше. А то дьяк ещё наш спор о «праве на обладание огорода» превратит в «территориальную реформу», и нас обоих сошлют в Сибирь.

Тарас Пустозвонов в конце года получил награду от самого Воеводы «За усложнение делопроизводства», потому что чем запутаннее дело, тем больше чиновников с него кормятся. Он написал трактат «О сути справедливости, выраженной в малых величинах», где доказывал, что справедливость — это когда все запутались, но процесс соблюден.

Этот трактат потом изучали в школах для подьячих, и каждый выносил из него одну истину: «Если вы не можете решить проблему — создайте проблему с решением».

Мораль: Бюрократия — это искусство превращать курицу в дракона, а дракона — в налоговую задолженность. Чтобы выиграть суд, нужно не доказательство, а терпение. Или просто отдайте петуха судье.

Рассказ 4: «ПРИВИВКА ОТ УМА»

Граф Пётр Умственный, потомственный вельможа, владелец трёх тысяч душ и одной куцей мыслишки, сидел в своём кабинете, обтянутом зелёным сукном, и с ужасом перечитывал голландскую газету. Газета была свежая, пахла типографской краской и свободой, а писала она о том, что в Европе наступила эпоха Просвещения. Вольтер пишет книги, Дидро собирает энциклопедии, а простые бюргеры обсуждают политику в кофейнях.

Граф отбросил газету с таким видом, будто обжёг пальцы. — Васька! — заорал он своему лакею, который дремал в углу, притворяясь, что чистит сапоги. — Ты слышал? Они там все умнеют! Что же будет, а?

Васька, человек бывалый и философски настроенный, пожал плечами: — А нам-то что, ваше сиятельство? Мы и так сойдём. Безо всяких просвещений.

— Дурак ты, Васька! — взвился граф, хватая себя за парик, который от волнения съехал набок. — Если все станут умными, то кто же тогда будет глупым? Кто будет покупать мои дурацкие жилеты с золотым позументом? Кто будет слушать мои анекдоты про турок и про императрицу? Кто будет считать меня великим человеком?

Васька задумался. Вопрос был сложный, почти метафизический. — Так вы, ваше сиятельство, и оставайтесь умным.

А мы уж как-нибудь поглупеем за вас. У нас это природное, от земли.

— Но это не прогрессивно! — заорал граф ещё громче, потому что в крике он чувствовал себя увереннее. — Я хочу европейских стандартов! Я хочу, чтобы мои крестьяне читали Вольтера, а я бы играл в бирюльки с чувством глубокого превосходства! А если они станут умнее меня, то я упаду в их глазах! Мне это не нужно! Мне нужно, чтобы я был умным, а они — нет, но при этом они должны считать меня гением, не понимая, что я несую околесицу!

Тут граф сделал паузу, потому что сам запутался в собственной логике, но упрямо продолжал настаивать на своём. И тогда, как озарение свыше, ему пришла в голову мысль, от которой его собственное отражение в зеркале одобрительно кивнуло. Он решил сделать всем своим подданным «Прививку от Ума». Идея была простая и гениальная, как всё, что приходит в голову праздным вельможам: выписать из-за границы доктора, который продаёт сыворотку «Интеллектус Депрессус» — средство для снижения когнитивных способностей у особо беспокойных личностей. Граф даже сам придумал рекламный слоган: «Зачем думать, если можно не думать?»

Через месяц из Германии приехал доктор Шприц. Это был человек с длинным носом, короткими ногами и чемоданчиком, на котором было написано «Медицинские чудеса для всех сословий». Шприц говорил с таким сильным акцен-

том, что его понимали только через раз, но это придавало ему ореол таинственности.

— Граф, — сказал доктор, ставя чемодан на стол и потирая руки (все немецкие доктора в русских сказках обязательно потирают руки). — Это высший пилотаж медицины. Один укол — и пациент перестаёт задавать вопросы. Два укола — начинает смотреть на стену с восхищением, как на произведение искусства. Три укола — может работать на барщине двадцать часов в сутки и при этом улыбаться, как младенец, который увидел грудь кормилицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.